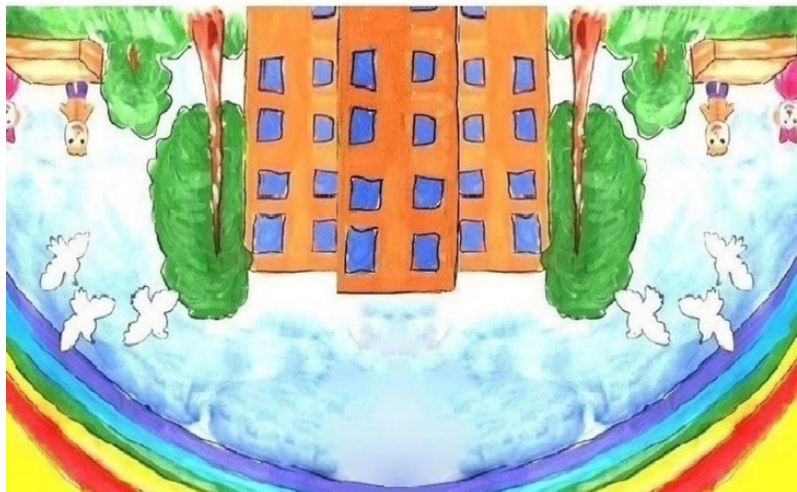

АЛЬМАНАХ

Дворики нашего детства

Литературное объединение "Зелёный свет"

Владимир Лобанов

Дворики нашего детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522929

ISBN 9785449626554

Аннотация

Этот сборник рассказов и стихов – признание в любви нашей самой малой родине: дворам и дворикам, следы которых давно стёрты безжалостной поступью времени. И пусть вместо нынешней узорчатой плитки они были покрыты лишь нестриженным травяным ковром, а вместо детских площадок с горками и каруселями украшены только самодельными качелями. С утра до вечера здесь не смолкали ребячьи голоса и звонкий стук мяча. Сюжет её не ограничивался дворами, а выплёскивался на городские улицы, в поля и на берега рек.

Содержание

ЗОЛОТЫЕ БРЫЗГИ ДЕТСТВА	5
АЛЁХИНА ЛАРИСА	7
НОВЫЙ ГОД	7
ЧТО ЗНАЧИТ – «ПЕШКОМ»?	9
НОЖИЧКИ	12
КОНЬКИ И КАЧЕЛИ	13
ПРОПАЛИ	14
ТОПОЛЬ	15
ОПАСНЫЕ ИГРЫ	16
МАРЕСЬЕВ	18
ДЕТСКИЙ САД	20
НИКОМУ НЕ ОТКРЫВАЙ!	21
ВЕРЕТИНСКАЯ ТАТЬЯНА	25
ВОЛК ТРЯПОЧНЫЙ	25
ДЫМОК	30
ДЫМОК И ПТИЧКА	33
ЗАДУМЧИВЫЙ ВАСЬКА	37
МАРУСЯ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дворики нашего детства

Редактор Владимир Лобанов

Редактор Елена Лобанова

Редактор Александр Ралот

Дизайнер обложки Виктория 5 лет Тулина

© Виктория 5 лет Тулина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2655-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОЛОТЫЕ БРЫЗГИ ДЕТСТВА

Перед вами не обычная книга. Этот сборник рассказов и стихов – признание в любви нашей самой малой родине: дворам и дворикам, следы которых давно стёрты безжалостной поступью времени.

И пусть вместо нынешней узорчатой плитки они были покрыты лишь нестриженным травяным ковром, а вместо детских площадок с горками и каруселями украшены только самодельными качелями. Зато с утра до вечера здесь не смолкали ребячьи голоса и звонкий стук мяча. Здесь, в тени вишен и абрикос, посаженных папами и дедушками на субботниках, под присмотром бабушек и мам, развешивающих на натянутых проволоках выстиранное вручную бельё, творилась уже забытая сказка нашего детства. И сюжет её не ограничивался дворами, а выплёскивался на городские и станичные улицы, в поля и рощицы, на берега кубанских рек.

Но однажды группа краснодарских авторов – как начинающих, так и уже имеющих литературное имя – решила вспомнить эту сказку и дополнить её новыми сюжетами. И вот перед вами результат их работы. На этих страницах вас ждут трогательные секреты и не до конца разгаданные тайны, рассказы о весёлых проделках, а порой и опасных приключениях.

Идея сборника принадлежит сообществу начинающих литераторов «Зелёный свет», созданного по инициативе краевого отделения Союза российских писателей в 2010 году. Ныне это студия прозы, возглавляемая известным краснодарским писателем Александром Петренко (литературный псевдоним Ралот). Встречаясь в читальном зале краевой юношеской библиотеки имени Ивана Варравы, начинающие авторы шлифуют свои дарования, постигают секреты литературного мастерства. Однако на призыв студийцев принять участие в создании книги откликнулись и многие другие одарённые авторы, чьи произведения вы встретите в этой книге.

Надеемся, что «Дворы нашего детства» порадуют читателя и найдут отклик в его душе!

ЕЛЕНА ЛОБАНОВА

АЛЁХИНА ЛАРИСА

НОВЫЙ ГОД

В больнице даже самые маленькие дети лежали без родителей, и потому плакали, но добрые сердца и ласковые руки врачей, медсестёр и особенно нянечек неуловимым образом совершали чудеса: слёзы быстро высыхали. Длиннющая белая палата, разделённая простынями на кабинки, с двумя кроватками, пугала нас поначалу, и мы прятались мышатами с головой под одеяла, бесконечно ждали маму или папу, чтобы посмотреть на них хотя бы из окошка. Случалось это редко, и в один из особенно тоскливых дней нестерпимо захотелось домашней еды. Маме передали мою просьбу, и я думала, что это будет самый большой праздник на свете! Но воспалённый язык не давал съесть любимого рассольника ни ложки: рот обожгло как огнём, и радость сменили горючие слёзы разочарования и обиды.

Болезнь потихоньку отступала, мне разрешили ходить в общую столовую. Я не запомнила обратную дорогу и заблудилась среди высоченных одинаковых дверей во взрослые палаты, а моей, детской, не было нигде! Но появилась, как в волшебной сказке, ласковая рука незнакомого бородастого дедушки. Найти мою удобную постельку нам не соста-

вило труда, а нянечке не пришлось уговаривать меня проглотить лекарство, оно даже показалось не противным. «Путешествие» закончилось, я успокоилась и незаметно уснула.

Ночью меня разбудили тихие всхлипы: малышу—соседу понадобился горшок, а выбраться из кровати, затянутой сеткой, у него не получалось. И я, как герой, его спасла, с большим трудом стащила на пол. Однако поднять мальчика наверх не хватило сил, и мы расплакались. Нашу возню услышала нянечка и сетку легко сняла с крючков.

Давно наступил Новый год, а меня всё не выписывали. Почти каждый день под окошко приходили мама и брат, показывали жестами, что папа скоро прилетит на самолёте.

Моё желание исполнилось в конце января. Папочка вёз меня домой, нежно прижимая к прохладной шинели, и тихонько говорил о каком-то сюрпризе.

В углу комнаты сверкала игрушками ёлка, высвечивая разноцветными лампочками Деда Мороза и Снегурочку! Под слоем опавших иголок они берегли для меня подарок в хрустящем кулёчке: любимые шоколадные конфеты «Мишка на севере», «Белочка», «Ласточка», ириски «Золотой ключик», много фруктовых и «сосательных» конфет в красивых фантиках и, конечно, «печеньки», яблочко, орехи и мандаринки! Я прыгала от счастья на пружинной кровати. Это был незабываемый Новый год!

ЧТО ЗНАЧИТ – «ПЕШКОМ»?

Глаза никак не хотели открываться, голова – отлипнуть от подушки, а нежные мамины руки не давали никакой возможности досмотреть сладкий сон и уже помогли пристегнуть к резинкам белого фланелевого лифчика тёплые чулочки. Мягкие тапочки и жёлтое с красными цветочками платьице с красивым круглым воротничком быстро согрело меня.

Я с удовольствием забралась на скамеечку перед ручком, без напоминания закатала рукава и быстро намылила ладошки, даже не играя с радужными мыльными пузырями. Хотелось быстрее съесть кашку – вкусняшку «маро». Я, когда выросла, узнала, что это вовсе и не каша, а поджаренная мука с маслом, молоком и сахаром. Ею кормили даже младенцев.

Любимые ботиночки с нетерпением ожидали, когда мои неловкие упрямые пальчики завяжут на бантик шнурки. Наконец, было надето пальтишко, розовая плюшевая шапочка и шарфик.

Солнышко ещё и не думало освещать улицу, а мы с мамой уже зябли на остановке, надеясь втиснуться в ожидаемый автобус. Возможности не опоздать оставалось всё меньше, а я мечтала, что, как и в прошлый раз, мимо будет ехать повозка с молочными бидонами, извозчик согласится нас подвезти,

и мы доберёмся до детского сада под замечательный – просто музыкальный! – цокот копыт, а лошадка будет «дилижировать» хвостом и гривой. Но нам не везло. Мама вздохнула: «Что ж, придётся добираться пешком». Я испугалась: «А как это, ПЕШКОМ?» Оказывается, надо долго-предолго и быстро идти по краю дороги, не проситься на ручки, не хныкать, не ныть, и ни в коем случае не плакать, потому что в следующий раз ни автобус, ни лошадка плаксу везти не захотят!

Пришлось торопиться изо всех сил, а ножки уже не слушались и спотыкались на ровном месте. Я даже зажмурилась, чтобы мама не увидела солёных капелек на щеках и, не сразу услышав знакомое «тпру!», буквально взлетела на скамеечку к извозчику: «Дедушка, ты такой добрый! Ты специально за нами приехал? Ты знал, что мы опаздываем?» Он усадил меня поудобнее и разрешил держаться за вожжи, поторапливая нашу спасительницу: «Но, но!» Сердечко трепетало, а я пела: «Я люблю свою лошадку, причешу ей шёрстку гладко, гребешком приглажу хвостик...» И вдруг... из-под поднятого хвоста стали выпадать большие зеленоватые кругляшки прямо на асфальт! И сразу очень неприятно запахло. От неожиданной догадки я вскрикнула: «Мама, мама! Ну как же лошадке не стыдно! Мы ведь рядом едем!»

Извозчик почему-то весь затрясся и склонился до колен, а мама отвернулась и прикрыла рот рукой, но потом, улыбнувшись, погладила меня: «Когда лошадка научится разговаривать, она тебе объяснит, почему так получается».

Мы благополучно добрались до садика, поблагодарили извозчика, помахав на прощанье, а я незаметно погрозила лошадке пальчиком.

РАССКАЗИКИ «ЛОРЫ ВОЕННОЙ»

НОЖИЧКИ

В авиагородке Качинского училища в Сталинграде, куда перевели служить папу, детского сада не было, и я «тенью» ходила за старшим братом. У всех мальчишек – и у меня! – были перочинные ножички, с которыми мы очень любили играть в «землю». Для этого кто-нибудь из старших игроков рисовал на ровной утопанной площадке круг, разделённый поровну на всех. Мы поочерёдно бросали ножичек, чтобы он остриём вонзался в «чужую» землю, и отрезали завоёванный кусок, тщательно затаптывая бывшие границы. Обычно я, как самая маленькая, проигрывала, и мне негде было стоять даже на одной ножке. Зато в нарисованную на стенке сарая мишень – в самую «десятку» – попадала лучше всех! Пока брат играл в футбол, времени для тренировок было предостаточно.

КОНЬКИ И КАЧЕЛИ

Обычно мне разрешали погулять во дворе одной, пока родители работали, а старший брат учился. Бросать в цель снежки, лепить снежную бабу, ходить по насту – по ледяной корке на сугробах – и пробивать в нём дырки, чтобы провалиться в снег и побарахтаться, мне надоело, и я решила научиться кататься на коньках – «снегурках», как старшие ребята. Наносила снега, утоптала и залила водой площадочку. Пока привязывала к валенкам «снегурки» и закрепляла палочками верёвочные узлы, каток мой замёрз. Набив немало синяков и шишек, научилась стоять, ходить и даже чуточку кататься, отталкиваясь одной ногой. Стало жарко, хотелось пить, и я решила «охладиться» – лизнула железную ручку на двери. Мне очень повезло, что дома оказалась бабушка моего дружка Лерки. «Ах, ты, горе моё луковое!» – приговаривала она, поливая тёплой водой из чайника на дверную ручку и мой примёрзший язык.

А с Леркой играть было весело. Летом мы часто катались «впротряску» на качелях. Вы не знаете, что это такое? Надо сидеть на самом краю доски и сильнее стукнуть её о землю, чтобы приятель с другого края подлетел как можно выше. Конечно, мы старались держаться крепко, но доигрались – оба попали в больницу.

ПРОПАЛИ

Родители, бывало, ходили в выходные дни в кино, угова- ривая меня остаться с братом дома. Иногда мы с удоволь- ствием играли в прятки, читали книжки или сочиняли сказ- ки, устроившись на любимом диванчике, но в этот вечер я долго плакала, кричала в форточку, чтобы мама и папа поскорее возвратились. Брат нашёл, наконец, способ меня успокоить, но... родители нас дома не нашли.

Страшный шок прошёл, когда взрослые устали от поисков и решили присесть. Ни одной из четырёх табуреток в квар- тире не оказалось. Разгадка была рядом: мы крепко спали на импровизированной «кроватьи» на балконе.

ТОПОЛЬ

Я частенько устраивалась на удобных ветках огромного тополя, ожидая папу или маму на обеденный перерыв. В один из солнечных дней, карабкаясь всё выше и выше, и рассматривая самолёты на аэродроме, я не заметила, что добралась до самой верхушки, где разгуливал ветер. От страха казалось, что дерево меня непременно сбросит, и тогда... Брату пришлось очень долго уговаривать сестричку оторваться от ствола и переставлять ноги и руки на нижние ветки вместе с его рукой. «Верхолазам» дома досталось, но на этом наши «подвиги» не прекратились.

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

Нам нравилось бултыхаться после июльских ливней в нашем «пруду» – глубокой канаве вокруг летнего кинотеатра. Травка на дне и на склоне мягкая, удовольствие – высшее, но, к сожалению, не всегда. Брат не досмотрел, и еле успел вытащить меня, почти захлебнувшуюся, на дорожку.

Для родителей происшествие осталось тайной, а про канаву мы скоро забыли. Бегали в лесок за смородиной, дикими маслинами, и не пропускали возвращение взводов с полевых учений. Ещё бы! Интересно бежать босиком по мягкой пыли рядом со строем солдат и горланить:

«Путь далё-ок у нас с тобою, веселей, солдат, гляди!
Вьётся, вьётся знамя полковое, коман-ди-ры впе-ре-ди.
Сол-да-ты, в путь, в путь, в путь!
А для тебя, родная, есть почта по-лева-я.
Прощай, труба зовёт! Сол-да-ты, в поход!»

Мы чувствовали себя настоящими защитниками Родины! Папам тяжело было рассказывать про войну, но её явные следы было нелегко уничтожить. В разрушенном пятиэтажном доме, рядом с нашим, играть было опасно, но очень интересно. Еле державшиеся лестницы и этажи прятали нас от «шпионов» и «врагов», а ржавых касок, патронов, гильз

и фрагментов оружия было много: на Мамаев курган мы часто делали «набеги». Одно из таких путешествий окончилось трагически.

Мальчишки, втайне от родителей и малышей, разводили костерки и устраивали «салюты» – бросали в огонь найденные патроны. Но когда в огне оказались мина и граната – страшный взрыв услышали все. Двух «героев» хоронил весь городок, остальные отделались травмами и испугом. Как говорится, «сколько верёвочке не виться»...

МАРЕСЬЕВ

Перед нашими глазами происходили исторические события, которые мы оценили, став взрослыми.

В клубе авиагородка каждую неделю проводились собрания, концерты, лекции, иногда встречи с героями войны. Папа сидел в президиуме на сцене, а я тихонько играла или дремала на откидном деревянном сиденье в зале, рядом с мамой. Но в один из вечеров мне было не до сна.

В «Качу», так по-простому называли училище, приехал герой войны, Маресьев. Я уже знала от папы, что этот лётчик со звездой героя на груди – знаменитый человек, о котором написана книга «Повесть о настоящем человеке», снят фильм, и что у него нет ног. Я не поверила! На сцену ВЫШЕЛ обыкновенный военный, в кителе, брюках-галифе и сапогах. Мне запомнились серьёзные глаза, приятное лицо с тёмными, зачёсанными назад волосами, и не очень громкий, чуть протяжный тугой кожаный скрип, очень похожий на скрип форменных папиных ремней. Я не сводила глаз с рассказчика, когда он ходил по сцене немного странной походкой. Мама объяснила, что ему ноги «починили», прикрепили специальные деревянные протезы.

После собрания я подбежала к стоявшему рядом с папой лётчику: «Дядя Алексей Маресьев! А я знаю, что вы – герой! У моего папы тоже есть награды, и его медали сверка-

ют, как ваша звезда. И братья моего папы – Алексей и Павел Воронины – тоже воевали с немцами, но не летали, а ездили на машине». Я тараторила без остановки, как только смелости набралась: «Дяденька Маресьев, а правда, что вы долго ползли по снегу и ели только кору?» Он улыбнулся: «Ну, конечно, помощи ждать не от кого, идти из-за раненых ног я не мог, и старался как можно скорее добраться до своего аэродрома, чтобы меня не схватили немцы».

«А я недавно каталась на санках с горки, упала в сугроб, и мне под одежду набилось много снега. Брат меня отряхнул и быстро отвёл домой греться. А вам было так долго холодно и совсем нечего кушать!» Я расплакалась, а лётчик поднял меня высоко-высоко, покружил, потом пожал обеими руками мою ладошку: «Расти, добрая малышка, смелой, береги своих родителей».

ДЕТСКИЙ САД

Сентябрь нашёл серьёзные дела для школьников, а куда мне от брата? И добрая учительница часто разрешала сидеть на уроке с ним рядом. Я с удовольствием слушала объяснения или, спрятавшись под партой, рассматривала картинки в учебниках, рисовала в настоящей тетрадке.

Время даром не прошло, я одолела букварь, а вскоре открылся долгожданный детский садик, где мне очень понравилось: воспитательница доверяла «новенькой» чтение сказок для всех детей группы. Моих новых друзей я научила петь любимые песни «Юный барабанщик» и «Солдаты, в путь!» Стульчики – «барабаны» и воспитатели еле выдерживали наши концерты.

Самым интересным событием был момент, когда за мной приезжал папа в красивой военной форме с золотыми погонами. Дети выбегали посмотреть на него и кричали: «Лора военная! За тобой пришли!»

НИКОМУ НЕ ОТКРЫВАЙ!

Детский сад закрыли на карантин, гулять не хотелось, потому что хмурый осенний день заполнил весь двор. Мне казалось, что тяжеленые тучи вот-вот просочатся в щёлочки между рамами и начнут лить дождь прямо в комнате, на третьем этаже, где я вздыхала на широком подоконнике и ждала родителей на обеденный перерыв.

Когда постучали в дверь, я, не спрашивая, распахнула её. На пороге стояла незнакомая тётя, закутанная в мокрый платок: «У тебя найдётся кусочек хлеба? Так хочется есть». Мне стало жалко женщину. Я завела её на кухню, угостила кашей, положила сушить платок на ещё тёплую печку и поделилась любимым бутербродом. Про него мы с братом даже стишок сочинили: «Булка с маслом и песком и с горячим молоком». Песок, конечно, сахарный, а молока уже не осталось.

Пока женщина не спеша управлялась с едой, я показала ей свои яркие картинки и похвасталась папиными подарками – цветными военными карандашами «Тактика», которым завидовали все мальчишки, и очень красивой куклой Алёнокой в нежно-розовом платье с оборочками. Она даже умела говорить «ма-ма», если её наклонить и поднять. А кукольной кровати с матрасиком, простынкой и подушечкой с кружевами, настоящим одеяльцем не было ни у кого из соседских девочек, они часто приходили ко мне «дружить», что-

бы немножко поиграть.

Очень скоро незнакомка знала, что когда тепло, еду мы разогреваем на керосинке или на примусе, но нам ещё не разрешают их трогать, а папа поджаривал нам с братом макароны в «друшлаке», и мама его ругала. А печку мы топим углём и дровами, которые хранятся во дворе в сарае. Мы с братом устроили там пожар, но взрослые быстро его потушили, а нас надолго лишили сладостей и запретили смотреть телевизор. Я плакала, ведь любимые фильмы – «Чапаев», «Дело было в Пенькове», «Последний дюйм» и «Карнавальная ночь» мы всегда очень ждали и часто смотрели с соседскими ребятами, но папа был непреклонен. Ещё я успела сообщить, что мама работает в санчасти авиагородка врачом, а папа – офицер – учит курсантов, и скоро они должны прийти. Женщина заторопилась, поблагодарила меня за всё и на прощание обняла: «Деточка, ты очень добрая и доверчивая, а люди бывают разные, могут тебя обидеть. Ты никогда больше не открывай дверь незнакомым людям».

Родители были в шоке, когда узнали о происшедшем. У меня несколько дней звучали в голове мамины слова: «Никому, ты слышишь? Никому не открывай!» Я её послушалась, и когда папа пришёл домой на обед – дверь ему не открыла. Даже соседи меня уговаривали, что папе открыть не только можно, но и нужно, но я, стоя на стульчике, смотрела на него в замочную скважину и, горько рыдая, твердила: «Мама сказала ни-ко-му не открывать!»

БЕРТОНИ

Вы любите кошек?

А я не знала, люблю или нет. В офицерской семье как-то не до питомцев.

Папу перевели служить в Краснодар, а маме, врачу-терапевту, предложили поработать в станичной больнице, пока достроят поликлинику.

Мы ехали в Ново-Лабинскую. Меня немного укачало, но как только над горизонтом появился большущий, нежно-румяный, как хлеб с поджаренной корочкой, шар – неудержимо захотелось побежать по бесконечному полосато-зелёному полю. Я ведь слышала, слышала голос солнышка: «Скорей, скорей дотронься до моих щёчек! Пока ещё раннее утро – не обожжёшься». Но мы мчались по дороге, и никто из взрослых не хотел прислушиваться к детским фантазиям.

Кое-где в полях мелькали смешные столбы-качели. А оказалось, что эти вышки-качалки добывают из-под земли настоящую нефть! Будет, что рассказать подружкам!

К полудню мы добрались до места. Пока мама занималась нашим устройством, я изучала двор и дом нашей доброй хозяйки, Таисии Ивановны. Мне очень всё понравилось. В станице я никогда не бывала, и даже представить себе не могла, что в доме не деревянные, а глиняные полы, да ещё с дыроч-

ками по углам. Поковыряла в одной из них палочкой, а от туда выскочила... живая мышка!

Мой визг испугал хозяйку, но она, смеясь, ловко заткнула все норки тряпками, а мышку умудрилась поймать и, держа за хвостик, стала звать БЕРТОНИ. Это ещё кто? Мой страх улетучился, когда в комнате появился очень важный – не хватало только короны – Его Величество Кот. Мне захотелось его погладить, но куда там! Одного взгляда огромных зелёных глаз было достаточно, чтобы понять: «Я с незнакомыми девчонками не вожусь!». А Таисия Ивановна уже стояла перед ним на коленях и уговаривала: «Бертони, дорогой мой, съешь мышку, ну пожалуйста. Она очень вкусная, мы её для тебя поймали» Уговоры подействовали, и «король кошачьей породы» стал ловко подбрасывать мышку лапкой чуть не до потолка до тех пор, пока несчастная малышка перестала шевелиться. «Немышеед» равнодушно зевнул и пошёл выпрашивать угощение «за труды». Однако хозяйка на него рассердилась: этот хитрюга умудрился стащить из плотно упакованного газетного свёртка жареного цыплёнка, не оставив даже следов разбоя. Наказание не замедлило себя ждать. «Его Сиятельству» пришлось посидеть в... ЧУЛАНЕ. Этот загадочный «чулан» довольно долго оставался для меня загадкой.

Удивительная станица продолжала знакомить меня со своими тайнами.

ВЕРЕТИНСКАЯ ТАТЬЯНА

ВОЛК ТРЯПОЧНЫЙ

Масимка учился в третьем классе, когда семья переселилась в станицу. Переезжая, они, взяли с собой серого пушистого кота по кличке Дымок и маленького беспородного пёсика Гошу. Хвост в виде лохматого бублика, весь белый, а на мордочке три чёрные кнопочки: глаза и пипка носа.

В станице им подарили ещё одного кота – Мурзика. Заверили, что будет хороший крысолов. А через полгода мама принесла с работы в хозяйственной сумке щеночка. Его лопоухая голова и длиннющие ноги торчали наружу. Папа сказал, что во дворе обязательно должен быть сторож. Гоша на эту должность не годился: слишком мелкий, хотя и гавкучий. Надежды на нового пёсика возлагались большие. Масимка с мамой думали, думали, как же его назвать. Вдруг сын крикнул: – Чижик! Пусть будет Чижиком!

– Ну, что ж Чижик, так Чижик. Почему бы и нет, – одобрила мама. – Чем лучше Дружок, Шарик или Тузик?

Чижик радовал папу отменным аппетитом.

– Хороший работник должен хорошо питаться, – говорил папа.

Ел-то Чижик по-взрослому, а вот мозгами подкачал. Мак-

симка покатывался со смеху, когда бросал щенку кружок колбасы. Стараясь поймать на лету лакомство, тот клацал зубами вдогонку пролетающему мимо рта куску. И... кто-то более проворный тут же уплетал не доставшуюся лопухому недотёпе вкусняшку. Тогда он поворачивал голову набок и смотрел на всех жалобными – прежалобными глазами, как бы говоря: «Эх вы! Нельзя ведь так обижать маленьких».

Папа соорудил будущему сторожу возле сарая большую будку. Мама постелила старый коврик. Чижику понравилось новое жильё, и он часто приглашал в гости Гошу, с которым сразу подружился.

Со временем Чижик заметно подрос и даже стал похож на серьёзную собаку. Вот только лаять так и не научился. Брать же пример с Гоши, возможно, считал ниже своего достоинства. Стал папа поговаривать, как кот Матроскин из Простоквашино:

– Что-то зря мы его кормим. На селе дармоедов не держат: коты должны мышей ловить, собаки дом охранять, куры яйца нести, петухи хозяев будить, пугало скворцов от черешни отгонять.

Постучал как-то в калитку сосед – дед Мишка. «Здорово, Максимка! Батька дома? Покличь, надо покалякать маленько». Мальчик кинулся звать отца. Гоша, сладко дремавший вместе с котами, подскочил, как ужаленный. Толкнул лапами дверь и выскочил с громким лаем во двор. Чуть не сбил Макса с ног. А Чижик выглянул из конуры, что-то буркнул,

не раскрывая пасти, и улётся обратно, мол, меня это совершенно не касается. Максу пришлось увести Гошку в дом и запереть.

Взрослые поговорили о чём-то и распрощались, но уходя, сосед обернулся и сказал: «А эта собака у вас дрянь! Чужака во двор впустила. Совсем не злой. Ты, Серёга, ему хвост отруби, кажут, верное средство. Не кобель – зверь будет», – заверил дед Мишка и, закрыв калитку, направился к себе.

– Папочка, не надо Чижика хвост рубить, – стал упрашивать мальчик. – Зачем нам зверь? Нам ведь зверь совсем не нужен?!

– Успокойся, сынок! Я же не живодёр какой?! Мы что-нибудь придумаем.

И через несколько дней папа придумал, как заставить собаку лаять.

– Надо его сильно напугать, он с перепугу и залает, как миленький.

В выходной день Чижика ждал серьёзный урок.

Папа надел мехом наружу тулуп, в котором зимой ездил на рыбалку, напялил по самые глаза старую шапку, взял палку и... незаметно вышел на улицу. Максим с мамой взяли Гошу и закрылись в доме. Чижик спал без задних ног, то есть, его можно было таскать за ноги, а он и не проснулся бы.

Вдруг раздался сильный настойчивый стук в ворота. Гоша рванулся, да не тут-то было – заперто. Макс и мама наблюдали из-за занавески. Сторож опасно выглянул из буд-

ки, как-то втянул шею, что-то вякнул, глядя на забор, откуда раздавался непрекращающийся грохот. С каким-то отчаянием во взгляде пёс обернулся в сторону окон и втянул голову ещё сильнее.

Тут резко распаивается калитка, и ужасный незнакомец ворвался во двор. Размахивая палкой, наступал на него.

Пёс в ужасе выскочил из ставшего ненадёжным укрытия и попытался искать спасения в доме. Не получилось. А страшный чужак всё ближе и ближе! Заметался охранник, задёргался: «что делать? Что делать?» Остаётся одно: бежать! И, поджав хвост, Чижик позорно побежал.

Максимка с мамой, зажав рты, хохотали, подглядывая за папиным уроком. Чижик бежал вокруг дома, «враг» следом. Пробежав несколько кругов, папа незаметно шмыгнул в дом. Он весь взмок в тёплой одежде, но тоже беззвучно смеялся.

Пёс, стоя среди двора, ошалело оглядывался, как бы спрашивая: «Что это было? Куда же он делся?».

Урок результата не дал. Ученик получил единицу. Мало того, что он не залаял с перепугу, как предполагал отец, но стал ещё трусливее.

Пословица: трусливая собака громко лает – совсем не про него.

Так они и жили. Мурзик ловил крыс, Дымок мышей, Гоша работал звонком, а Чижик... Чижик – пугалом. Вид— то у него был внушительный, за что папа называл его Волк

тряпочный.

ДЫМОК

Однажды случилось особенное нашествие грызунов. Стоило открыть мешок с куриным кормом, как оттуда врассыпную выскакивали мыши. А если приподнимали канализационный люк, выпрыгивал здоровенный пацюк – так украинцы называют серых крыс. После первых опытов, стали в помощь приглашать специалистов по грызунам – Мурзика и Дымка. Подходит мама или отец к мешку с пшеницей, а Максимка уже держит наготове кота. Охотник весь напрягается от нетерпения. Дрожит. Мгновение и мешок раскрыт. Секунда – мышшь в зубах. Воровка осуждена и понесла наказание! В погребе папа ставил капканы, в сарае мышеловки. Все на борьбу с коварным врагом! Наше дело правое! Победа будет за нами!

Вначале Дымок или Мурзик съедали свою добычу тут же, но мама не выносила этого зрелища. Прогоняла их. Коты стали убегать с болтающейся мышью в зубах куда-нибудь в угол.

В то утро мама на завтрак сварила молочный рисовый суп. Разлила по тарелкам, положив в каждую ложечку янтарного масла. Поджарила аппетитные гренки. Папа вышел насыпать корма курам. В дальнем конце кухни на котле спал Дымок. Он уже наелся и, растянувшись, свесил длинный пушистый хвост. Мурзик ещё не вернулся с ночной охоты. В длинной

кухне между двух окон располагался стол. Максимка уже сидел с ложкой в руках. Ждал папу. От румяных гренок и супа поднимался пар. Мама заваривала чай.

Вдруг распахивается дверь, входит папа. Он держит за хвост мышонка и, подняв руку, говорит:

– Дымок, мышка!

Не успели все даже моргнуть. Только что дремавший кот, перелетел с котла на стол, и, уже висит, вцепившись зубами и когтями в коварного грызуна. При этом! При этом, не задев ни единой тарелки! Семья прямо остолбенела от такого циркового номера.

– Вот это да! – удивился Максим. – Как он так умудрился? Мог ведь и в тарелку с супом плюхнуться!

– Это называется «высший пилотаж», – сказал папа.

Мама проверяла снедь на столе. Всё осталось на своих местах. Даже ни одна гренка не сдвинулась с блюдца. Ни одной соринки или шерстинки не упало. И как он рассчитал траекторию полёта? Загадка. Потом на все приставания Максима, раскрыть секрет трюка, кот только многозначительно урчал в усы, да шурил хитрющие глазищи.

Летом же пришлось и Дымку удивиться. Как-то раз заметил он во дворе среди травки ящерицу. Долго преследовал её. Ходил за ней на расстоянии вытянутой лапы. Видно, набирался смелости. Улучив момент, цапнул острыми коготками. И... глаза на лоб полезли! Хвост! Один хвост лежит, извивается! Где ящерка? А прыткая ящерица умчалась восво-

яси. Поэтому она так и называется – пряткая, потому, что в минуту опасности отбрасывает хвост, спасая свою жизнь. А хвост – дело наживное. Скоро новый отрастёт. Даже детям известно об этой хитрости. Но Дымок-то этого не знал.

Удивление и растерянность Максим прочёл тогда на морде горе-охотника. Кот поглядывал на мальчика и, будто спрашивал: «Что же это такое? Что теперь с этим делать?». Потрогает, потрогает лапкой: «Что за чудо-чудное, диво-дивное?».

В следующий раз он уже не удивлялся. Играл с хвостом. Подбрасывал вверх и ловил двумя лапами. И снова подбрасывал.

А грызунов, в самом деле, стало меньше. То ли коты помогли, то ли сами ушли.

ДЫМОК И ПТИЧКА

В деревне каждый добросовестно выполнял свои обязанности. Гоша с чижиком стерегли дом. Кто, как мог, конечно. Гоша голосом предупреждал, что домовладение под охраной, Чижик – волк тряпочный – своим внушительным видом. Мурзик ловил крыс – серых пацюков, ворующих грецкие орехи с чердака. Дымок специализировался на мышках и ящерицах. Но однажды...

Однажды Максим с мамой возвращались с базара. Гоша приветствовал их звонким лаем. Чижик скакал выше головы. На крыльчке стояла тумбочка для обуви. И вот Максим с мамой застали Дымка сидящим возле этой самой тумбочки. Тот напряжённо прислушивался к шорохам, доносившимся из дальнего угла. Припадал к полу, заглядывал и пытался лапой достать интересующий его объект. «Наверное, он туда мышь загнал,» – предположил сын.

– Давай тихонько отодвинем обувницу, – сказала мама.

Они осторожно оттащили тумбочку и увидели там птичку. Маленькую, размером не больше воробышка. Мама, отпихнув ногой охотника, взяла птицу в руки.

– Смотри, у неё ранено крылышко.

– Может, это Дымок укусил? – сказал Макс и крикнул ко-ту, – Брысь отсюда! Голодный, что ли?

Ему стало очень жалко перепуганную раненую птичку.

Но Дымку, видно, очень хотелось с ней поближе познакомиться. Он становился на задние лапы, пытаясь заглянуть маме в руки. Мать и сын вошли в дом, оставив кота за дверью.

Взяв старую кастрюлю и застелив дно газетой, мама посадила в неё бедняжку. Они решили вылечить птицу и выпустить на волю. Насыпали крупы, налили водички. Сверху мама накрыла кастрюлю марлей и обвязала верёвочкой. Этот лазарет поставили на окошко между горшков с цветущими геранями. Котам в комнату доступ и раньше был ограничен, а теперь, вообще, стал табу.

Если ненароком кто-либо из мурлык прорывался в комнату, весь настораживался, устремлял немигающий взгляд на кастрюлю, казалось, прожигал её насквозь. Коты отлично слышали, как птичка скребёт коготками и клювиком стучит по доньшку. Несколько дней прожила птичка. Крылышко стало подживать.

В то время по вечерам семья часто сидела без света. К моменту выключения они старались поужинать, накормить котов и, закрыв их в кухне, уйти в комнату. Папа называл это безобразие: «веерное отключение». Правда, Максиму даже нравилось сидеть на диване при свечах и слушать разговоры родителей о событиях прошедшего дня.

В тот вечер, поужинав, Максим с папой уже сидели в комнате. Мама домыла посуду и открыла дверь, чтобы присоединиться к мужу с сыном. Но только она отворила дверь и за-

несла ногу через невысокий порожек, погас свет! Воспользовавшись благоприятным случаем, Дымок стрелой прошмыгнул у мамы под ногами. Секунда и, грохот кастрюли, жалобный писк птицы, хищное урчание злодея.

– Скорей зажгите свечку!

– Он её съест! Он съест птичку! – закричал Максим.

Наконец, папа нашёл свечу. Кастрюля, упавшая с подоконника, вверх дном. Добыча в зубах охотника. Мама пытается разжать челюсти. Ни в какую! Зверюга ещё крепче сжимает. Мальчик прижал кулаки к лицу, чуть не плачет: «Она сейчас погибнет!». И тут его осенило. Он присел и зажал коту нос. Тот тарачил зелёные глазищи, но зубы не разжимал. Очевидно, выбирал: смерть или добыча. Страх перед смертью всё же победил охотничий азарт. Кот разжал зубы. Не слишком ли поздно? Максим поднял хищника за шкуру и вышвырнул из комнаты.

– Как она, мама? – беспокоился мальчик. – Умрёт или выживет?

– Вроде, жива. Ранки от зубов. Надо обработать перекистью. Бедное создание. Только зажило крыло, теперь будем лечить укусы.

Как-то зашёл в гости папин друг, с которым он ездил на рыбалку и сказал, что это щегол. Сосед слева подарил клеточку. Правда, в клетке птица не пела. Вообще, этот щегол был очень пугливый. «Ещё бы! Я тоже всего боялся бы, побывав в зубах такого страшилища,» – часто думал Максим.

Когда щегол совсем поправился, Мальчик с мамой вынесли клетку на улицу, открыли дверцу. Лети! Он живо выпорхнул. Но не улетел сразу. Сел на ветку яблони и защебетал. И Максим понял, о чём эта песня. Щегол благодарил людей за заботу, лечение, за спасение от смерти, за то, что отпустили на волю. А что может быть лучше жизни на воле!

ЗАДУМЧИВЫЙ ВАСЬКА

Максимка хоть и родился в городе, знал, что булки не растут на дереве. Он с детства отличался любознательностью. Когда же семья поселилась в станице, мальчика ждали открытия на каждом шагу.

Они поселились в маленьком домике через дорогу от родителей отца. На следующий день Максим вместе с мамой и папой отправились к старикам в гости. Все сидели в беседке, увитой чёрным душистым виноградом изабеллой, ели сладкую-пресладкую дыню и разговаривали.

И вдруг Максим услышал какой-то оч-чень странный звук. Как будто кто-то совсем-совсем больной стонет: ох, ох, ох!

– Мама, кто это?

– Где?

Взрослые так увлеклись беседой, что ничего не слышали.

– Там. Кто это говорит: ох, ох!

– А—а! – Вмешался дедушка. – Это Васька.

– Кот? – удивлённо спросил мальчик. Он представил себе такого огромного-преогромного котину, что даже немного испугался.

– Нет, – засмеялся дедушка. – Кот у нас Черныш, а это Васька-кабанчик.

– Деда, а можно его посмотреть?

– Пойдём, посмотрим.

Дедушка взял Максимку за руку и повёл на хоздвор. За заборчиком из металлической сетки сустились белые куры. Казалось, что они обрадовались дедушке и все захотели к нему. Чуть дальше в большом деревянном ящике (дедушка сказал, что это хлев) приветливо хрюкнуло длинное свиное рыло с маленькими глазками. Оно всё было покрыто белой, будто седой щетиной. «Тоже старый», – подумал Максимка про кабана.

– Вот, знакомься, это и есть наш Васька. Василь Васильевич. У него и батьку звали Василём.

Кабанчик повёл розовым пятяком и ещё раз приветливо хрюкнул. Дедушка подошёл и почесал Ваську за ухом. И ему это так понравилось, что он бухнулся на бок. Дедушка стал чесать ему розовое брюхо, а Васька закрывал глаза и охал от удовольствия.

– Деда, а кто его чесал, когда мы все там были? – спросил внук.

– А никто, он сам.

– Как?

– А вот давай немного отойдём.

Они отошли и стали чуть в сторонке под яблонькой, на которой зрели румяные яблочки. Некоторые ветки под тяжестью щедрого урожая свешивались почти до земли. Их пришлось подпирать длинными жердями. Максим подумал: вчера мама такой палкой подпирала верёвку, на которой сушила бельё. Оказывается, и ветки так поддерживают. И тут де-

душка сказал: «Смотри, смотри, Максимка!».

Васька проворно подскочил, привалился боком к стене и давай тереться о деревянный столбик.

– Ох, ох, ох!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся мальчик. – Молодец! Здорово придумал! Копытцем не очень-то почешешься, да и ножки-ручки у него такие коротенькие.

А Васька, почесавшись, снова положил голову на край откидной дверцы и устоялся куда-то вдаль.

– Деда, глянь, Васька задумался.

– Да, он у нас мечтатель, – сказал дедушка. – Может целый день так простоять. Других свиней крепко запирают, чтоб не выскочили, не перерыли грядки, а нашего можно и не закрывать.

Максим посмотрел на дедушку, потом на кабанчика и сказал:

– Мне кажется, дедуля, что теперь он смотрит на яблочки.

– Может быть. А ты вот возьми это ведёрко и насобирай ему падалицы. Видишь, сколько напало.

Мальчик схватил старое с трещиной в доньшке ведро и быстро накидал больше полведра упавших раньше срока яблочек. Дед поднял ведро и высыпал Ваське в корыто. И кабанчик сразу принялся с аппетитом хрупать яблоки, громко чавкая.

«Ну, свинья и есть свинья, – подумал мальчик. – Никто ведь не учил его, что есть надо».

Глаза никак не хотели открываться, голова – отлипнуть от подушки, а нежные мамины руки не давали никакой возможности досмотреть сладкий сон и уже помогали пристегнуть к резинкам белого фланелевого лифчика тёплые чулочки. Мягкие тапочки и жёл с закрытым ртом».

Пока Максим наблюдал за Васькой, дедушка поправил несколько подпорок, и насобирал в ведро ещё яблок. Кабан быстро управился с угощением и положил голову, как раньше. Потом хрюкнул и, прищурив глазки, улыбнулся. И Максим понял, что Васька благодарит его за вкусные яблочки. Дедушка высыпал кабанчику вторую порцию. Васька оживился.

– Ешь, ешь! На здоровье, – сказал мальчик и побежал рассказывать о Ваське маме с папой.

МАРУСЯ

Это произошло ещё до переселения. Максимка тогда учился в городе и только на выходных иногда родители брали его в станицу. Они ездили туда, как на дачу. Заодно проводывали бабушку с дедушкой.

Однажды Максимка не смог поехать с папой и мамой. Остался дома. Дело было весной. Родители, на огороде, повоевав с сорняками, уставшие, шли на вокзал. Навстречу им катил велосипед сосед – дед Мишка. Папа иногда ездил с ним на рыбалку.

– Ловил сегодня на пруду. Вот, нашёл черепаху. Возьмите вашему сынишке.

Старик достал из сумки серый булыжник, из которого показалась голова. Затем выдвинулись когтистые ножки и засучили в воздухе. Черепахи у Макса ещё не было. Для расширения кругозора ребёнка родители решили взять этот земноводный подарок. Поблагодарили. Поместили в тряпичную сумочку и повезли в город.

Сын, естественно, очень обрадовался.

– Чем мы её будем кормить? Что она любит кушать? – спросил мальчик.

Родители почесали затылки. Они ведь забыли спросить у рыбака, чем черепаху кормить.

– А у неё есть имя? Как её зовут?

– Никто её ещё никогда и никуда не звал, – сказал папа.

– Давайте назовём мою черепашку Маруся!

Родители не совсем были уверены в половой принадлежности существа, но спорить с ребёнком не стали. Черепаха – она, значит – девочка. Раз девочка, пусть будет Маруся. Возражений нет.

По вопросу питания нового члена семьи собрали совет. Чем же всё-таки её кормить? Пospорили. И приняли решение: предлагать черепахе всю снедь, имеющуюся в доме: яблоки, капусту, молоко, колбасу и т. д.

Место ей отвели на балконе, чтоб не застряла где-нибудь под комодом. Разложили перед Марусей весь ассортимент. Стоим, наблюдаем.

Ход наших рассуждений прост, как дважды два: чему гостя отдаст предпочтение, тем и станем кормить. Куда проще. Но, не тут-то было.

Маруся, стоя к зрителям тылом, повернув голову в нашу сторону, смотрела долгим, немигающим взором. Смотрела, смотрела, смотрела...

Тогда Максимка начал предлагать Марусе, как в ресторане:

– Смотри, вот вкусная свежая капуста. Колбаска аппетитная, сам бы ел, да решил тебя угостить. Покушай, Маруся. А, может, молочка полакаешь?

Но черепаха всё смотрела и смотрела. И ни разу не мигнула. Так продолжалось бесконечно долго. Первому надоело

папе.

– Ну, вы тут кормите, а я пойду, почитаю.

Потом ушла мама:

– Не пойти ли мне искупаться?

Потом надоело и Максиму. Однако он не ушёл. «А, может, она стесняется? – подумал мальчик. – В чужом-то доме, пока не освоишься, не очень-то уютно. Может, ей даже страшно в незнакомой обстановке».

Он закрыл дверь на балкон и, веря в старую пословицу: утро вечера мудренее, пошёл спать. Долго ворочался в постели. Размышлял. «Может, на следующий день черепашка что-то да съест. Может, она перенесла стресс. Может, ей душно было ехать в сумке и она, бедненькая, плохо себя чувствует. Или от разлуки с кем-то объявила голодовку. Ладно. Утром видно будет». Снились ли мальчику черепашки? Он не рассказывал. С первыми лучами солнышка Максим уже на ногах: «Как там черепашка?».

А черепашка всё так же. Ни ест, ни пьёт. И через день, и через два.

– Мама, папа, Маруся умрёт от голода! Что же нам делать?

Интернета тогда не было, в библиотеку бежать некогда. Что же нужно этому загадочному животному? Мы никак не могли понять. Скорее бы выходные, чтоб отвезти черепашку обратно. Выпустить на волю. И где он взялся на нашу голову этот дед Мишка?

Дождавшись выходных, схватили бедолагу, сунули опять

в сумку. Держись, Маруся. Помчались на вокзал. Максим-ка всю дорогу уговаривал черепашку: «Крепись, моя милая. Всё будет хорошо. Ещё немного потерпи».

Только приехали, папа побежал к соседу, спросил, на каком пруду он поймал черепаху. Узнал. Выкатил мотоцикл. Максим с Марусей уселся в коляске, мама сзади. Вперёд. Свободу братьям нашим меньшим! Точнее одному брату, то бишь сестре, а впрочем, какая разница. Дикие животные должны жить на воле. Не становиться детской игрушкой.

Помчались по просёлочной дороге, по кочкам. Довезти бы живой. Неделю ведь не ела. Пыль столбом. Чуть собаку не сбили, вздумавшую переходить дорогу в неположенном месте. Приехали. Вот он пруд. Почти круглый. Метров сто в диаметре. На противоположном берегу, мальчишки купают красного коня. Прямо, как на картине известного русского художника.

Достал Максим голодающую из сумки, поставил на глинистый берег. «Иди домой, Маруся. Ты свободна». Черепаха обернулась, глянула в его сторону, поднялась и, смешно ковыляя, двинулась к воде. Вошла и поплыла.

Метрах в двух от берега снова обернулась. Бросила прощальный взгляд и нырнула. Лишь пузырьки воздуха, ниточкой показали направление её движения.

– Прощай, Маруся! – закричал Максим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.